

Александр Грин и Урал

(А. Грин на приисках Шуваловых)

В 2005 г. исполнилось две интересные даты для А. Грина: 125 лет со Дня его рождения и 105-летие пребывания на Урале, а в 2006 г. — 100-летие его побега из Туринской ссылки.

Трудно представить, что человек, подаривший нам необычный, восхитительный мир, полный солнечного света и соленого ветра, восхищённый романтик и мечтатель, прожил тяжелую жизнь, отличающуюся от той, которую он описал в своих романах и рассказах.

Александр Грин родился в 1880 году в семье ссыльного поляка Стефана Гринёвского, участника польского восстания 1863 г. Детство провел в Вятке. Безрадостное существование, нищета, побои дома, отступали перед мечтами юного Александра о путешествиях в далекие страны.

В 15 лет он решил осуществить свою мечту и отправился в Одессу. Здесь встретился с морем, которое полюбил на всю жизнь, поступил учеником на пароход, ходивший в Батуми, и совершил 2 рейса. Затем был списан, так как не мог платить за продовольствие. Возвращается в Вятку. Но вскоре уезжает в Баку, и начинаются годы поисков места в жизни. Грин работал матросом, рыбаком, грузил лес и забивал сваи в портах, занимался тушить пожары на нефтяных вышках.

Устав от бродячей жизни, вернулся в Вятку. Шел февраль 1900 г., когда жажда странствий и надежда на счастливый случай вновь овладела Александром Гринёвским и он отправился на Урал мыть золото. «Все было впереди — и блуждание по лесам в обществе старичка-балагура, оказавшегося убийцей и беглым каторжником, и непосильный груз, и подполье, и тюрьмы, и столичная богема, и голод, и выстраданные книги, и домик у сияющего моря, к которому он всю жизнь стремился, и у которого ему было суждено умереть»¹.

А начиналось все на приисках графа Шувалова.

А. С. Грин на приисках

Мечтая разыскать клад, найти самородок золота пуда в полтора, Александр Грин с 3 рублями, которые ему дал отец, отправился на Урал.

На нем «были старые валенки, подшитые кожей, черные ластиковые штаны, старая бумазейная рубашка, красная с чёрными крапинками, тёплый пиджак из верблюжьей шерсти, подбитый беличьим мехом, и шапка из бараньего меха». Он «ничего не нёс и ни на что не надеялся».

В таком виде Саня прошел десятки деревень и поселков, Глазов, Пермь, «зайцем» на товарнике добрался до приисков. Он был из племени бродяг и бессемейных, а таких в ту пору на Урале называли до обидного просто: «голах».

«Шуваловские прииски представляли собой скопление изб, казарм, шахт и конторских строений, раскинутое частью в лесу, вдоль лесной речки. Здесь работало несколько тысяч человек, не считая «старателей». Порядок приема на работу был очень прост: каждый, кто хотел, приходил в контору, сдавал свой паспорт, получая в замен расчётную книжку и рубль задатка, а затем мог идти селиться, где и у кого хочет. Сдав паспорт, я отправился бродить по прииску и, заглянув в общие бараки, не захотел поселиться там. Вверху было жарко от железной печи, а в ноги тянуло холодом; между тем за отсутствием места на нарах, мне пришлось бы спать на земле. Один рабочий направил меня к местному жителю-рабочему, в его избу и я поселился там в углу. Спал на соломе. Она никогда не убиралась, лишь сметалась на день в кучу. Таяло, снег сошёл по прииску, лежал он ещё только в лесу. От сырой грязи мои валенки развалились, я надел лапти. На другой же день едва в темноте порозовело небо, сквозь лес я пошёл к наряду. Нарядчики послали меня качать воду из шурфов. Из бараков вышел народ: бабы и мужики, прибавилось к нему нас, новичков, человек двадцать, и, пройдя с полверсты лесом, мы очутились в лесной долине.

Здесь на расстоянии пятидесяти сажен один от другого были «шурфы» — неглубокие шахты для разведки золотоносного слоя, состоящего из песка и гравия. Эти шахты — тридцать саженей

глубины — обслуживались ручным воротом с бадьей и обыкновенным насосом, рукав которого, касаясь дна, выбирал воду. Внизу работали двое: забойщик, то есть шахтёр, рывший породу мотыгой, и плотник, ставивший деревянную клеть для избежания обвала стен шурфа. Время от времени бадья вывёртывалась воротом вверх, порода высыпалась, а штейгер, обходя шурфы, делал пробу ковшом: набрав в ковш песка, прополаскивал его водой и смотрел, остаются ли после удаления песка крупницы золота. Однажды он, найдя такие крупницы, стал показывать их мне; я притворился, что вижу, но на деле ничего не видел: что-то узкой полоской блестело на дне ковша, верно, хотя был то блеск оловянной посуды или воды, я не разобрал. Я работал от зари до зари. На обед давался нам час, на завтрак полчаса. В полдень штейгер отмечал в таблице крестиком рабочий день каждого: вечером ещё раз проверял, кто работает вторую половину дня. Плата была 60 копеек подённо. На заборную книжку можно было брать в лавке предметы первой необходимости: табак, мыло, спички, белый хлеб, сушку, колбасу, пряники, орехи и т. п. Расчет проходил по субботам в конторе с вычетом забора в лавке. Я работал на откачке воды, то крутил ворот. Неподалеку были старатели, и я один раз ходил посмотреть, как они там живут.

Старатели жили семьями, в лесу, по берегу речки, в больших избах; кое у кого из них было хозяйство: птица, корова, лошадь. Тут же возле избы стоял вашгерд, промывательный станок, род ступенчатого корыта с задерживающими золотой песок планками. Насыпав в вашгерд породу, старатель добавлял туда ртути; платина или золото амальгамировались ртутью. Эта смесь оставалась на дне вашерда, а песок относил прочь водой, качаемой обыкновенным насосом. Впоследствии ртуть удалялась нагреванием. За платину контора платила 3 рубля 50 копеек за золотник, за золото 5 рублей. Вначале я работал каждый день, но после того, как перебрался в барак, стал работать через день-два, а потом стал работать на хлеб, чай и табак, так как потребности в то время у меня были очень скромными. Три дня работал ночной сменой в настоящей шахте, где было очень сыро и куда спускались в бадье, сгоя в ней и держась за канат.

Отверстие шахты выходило из невысокого холма, со свалкой вокруг него добываемой изнутри породы. Недалеко была бутора — закрытый деревянный цилиндр, вращаемый в горизонтальном положении; внутри буторы песок обрабатывался ртутью, как в вашгерте. Нет ничего удивительного, что при такой технически несовершенной добыче золота и платины некоторые старатели брали от конторы разрешение снова промывать отработанные кучи песку и, как говорили на прииске, добывали прилично.

Я стоял в паре с другим рабочим на вороте, выкачивая с десятисаженной глубины тяжёлую бадью, полную золотоносной породы; вторая бадья за это время шла пустая вниз; там ее насыпали. Три ночи я проработал под землей, где забойщик бил киркой впереди себя, я лопатой наваливал породу в тачку и катил её к бадье, под вертикальный колодезь. Работать надо было все время согнувшись; забойщик, работающий сдельно, с куба, гнал во всю мочь, и это было мне непосильно. Хотя ночная смена оплачивалась рублём, я больше работать не захотел. Мой интерес к приискам начал проходить...»

Туринский эпизод биографии А. Грина

Александр Грин (псевдоним, настоящая фамилия — Гринёвский) 11 ноября 1903 г. был арестован в Севастополе, предан суду за антиправительственную пропаганду среди нижних чинов севастопольской крепостной артиллерии и флота. В 1905 г. севастопольским военно-морским судом он приговорен к ссылке на поселение. Амнистирован Высочайшим Указом 21 октября 1905 г. При ликвидации в Санкт-Петербурге боевого летучего отряда партии социалистов-революционеров 7 января 1906 г. арестован с подложным паспортом на имя мещанина местечка Нового Двора Волковышского уезда Гродненской губернии Никлая Ивановича Малыцева. По рассмотрении дела в Особом Совещании, согласно постановлению министра внутренних дел последовала ссылка — за «принадлежность к социал-революционной партии».

От перрона Николаевского вокзала Санкт-Петербурга 15 мая 1906 г. отошёл поезд, который увозил А. Грина в «отдаленный уезд Тобольской губернии под гласный надзор полиции на четыре года, считая срок с 19 марта 1906 г. дня постановления Особого

Совещания». Сначала Грин через Тюмень попал в Тобольск «в ведение здешнего полицмейстера для водворения под надзор полиции в местности по указанию губернатора». И лишь губернатор Тобольска определил ему место ссылки — Туринск, городок на р. Туре.

С очередной группой политических ссыльных поднадзорный административно-ссылный А. С. Гринёвский 10 июня 1906 г. прибыл в Туринск. Препровождён без наручников. И от Санкт-Петербурга до Москвы ему выдали 15 копеек «кормовых денег». В Туринской пересыльной тюрьме надлежащим порядком оформили на поселение. Затем он, высокий худой в длинном армяке, выдавших виды сапогах пошёл обустриваться на отведённую ему квартиру. Познакомился с хозяевами, договорился насчет оплаты содержания постояльца (ночлег, кормежка, обстирывание). Уладив квартирные дела, узнав о слабости местных полицейских чинов к спиртному, Александр Степанович отправился к товарищам по этапу ссыльных, с которыми еще по дороге из Тобольска в Туринск обсудил возможность совместного побега. Это политические, дворяне — эсер Георгий Карышев, анархисты Михаил Лихонин, Гавриил Лубенец. Потом, как условились, сообщники уговаривают исправника и городских «обмыть» прибытие политссыльных на место поселения ради «дружеского взаимопонимания»; угощают естественно поднадзорные. Ближе к вечеру, когда полицейские закончили свои дела, началось застолье. Пили за царя-батюшку, за здоровье «стражей правопорядка», процветание Отечества. Пение душевных песен, объятия, лобзания «на брудершафт», клятвы в дружбе закончились тем, что исправник заснул, городовые храпели, а беглецы, не таясь, вышли из города.

Дальше их пути разошлись. Карышев по нездоровью возвратился в Туринск. О двух других беглых — Лихонине и Лубенце в дальнейших полицейских материалах ни слова. По всей вероятности, они уже были схвачены, так как тобольский губернатор Гондатти 14 июня по телеграфу просит Петербургского градоначальника, коему министром внутренних дел поручено исполнение постановления о высылке Гринёвского, разрешить ему его арест.

Удача, таким образом, выпала одному Гринёвскому. Исследователи рассматривают два варианта подробностей побега из Туринска. Первый вариант основан на воспоминании жены писателя В. Калицкой со слов Грина: Александр Степанович, сбежав из Туринска, 60 верст (64 км) ехал на телеге до ближайшей железнодорожной станции, там купил билет на поезд до Москвы, через Самару и Саратов, и затерялся в толпе пассажиров.

Вторая версия, с учётом того, что Грин в признании жене мог что-то «присочинить», такова: Грин не ехал на телеге, а пробирался к станции лесами. Узнав о побеге, Бирюков сразу отрядил полицейских в погоню и разослал по телеграфу всем ближайшим полицейским службам приметы Гринёвского, которого надлежало «по задержании препроводить в распоряжение тобольского губернатора, уведомив о сём департамент полиции» Вот эти приметы: «лета 25, рост: 2 аршина семь восьмых вершка (1м 76 см), лицо: чистое, глаза: карие, волосы, брови, усы: русые, борода: бреем, нос: умеренный».

Туринский эпизод биографии Грина имел серьезное значение для его творчества. Отголоски этого побега ощутимы в рассказах «Остров Рено», «Кирпич и музыка», «Зимняя сказка». Если учесть, что фантастическое у Грина всегда имеет элементы лично пережитого, то описание побега героя стихотворного гриновского рассказа «Ли» из тюрьмы наводит на мысль: Грин мог предпочесть второй вариант побега. Вот эти строки:

Меня ловили пятый день
И не могли поймать.
Я избегал опасных мест
Инстинктом и судьбой.
...И я в окрестные леса
Бежал, как негодим.

Конец истории таков: 28 сентября 1910 г. министр внутренних дел, после пересмотра обстоятельств дела поднадзорного А. Гринёвского, своим постановлением заменил «определенную Гринёвскому высылку в Тобольскую губернию водворением его в Архангельской губернии на два года, считая срок с 29 марта 1906 г.,

но без учета времени, проведенного названным лицом в бегах с 11 июня 1906 г. по 27 июля 1910 г., ввиду чего срок его высылки истекает 15 мая 1912 г.»

¹ Иванов, А. Пермские этюды / Алексей Иванов / Уральский следопыт — 1995 — № 10